

Т. Ф. Шумарина, М. М. Харитонова

**ОНОМАСТИЧЕСКАЯ И АПЕЛЛЯТИВНАЯ НОМИНАЦИЯ С
ПОЗИЦИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СКРИБЕРОЛОГИИ
(КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ)**

В последние годы при назначении следственными органами скрибологической экспертизы для решения вопросов классификационного характера специалисты все чаще вынуждены прибегать к ее автороведческому аспекту. Используемый в современных условиях компьютерный набор с задействованной орфографической программой не имеет тех преимуществ рукописи, на которых зиждилось почерковедение, или даже машинописи (с разнообразием ее шрифтов и других технических показателей). Со

временное автороведение вынуждено искать новые источники информации о закодированном в тексте психологическом и социально-биологическом облике автора анонимного документа, в том числе дисплейного текста интернет-коммуникации и продукта электронной почты. В этих условиях приобретают актуальность синхронические и диахронические социолингвистические исследования, направленные на выявление групповых шаблонов речи и стандартных приемов их имитации. В кругу идентифицируемых признаков (родной язык, место формирования языковых навыков, пол, эмоциональное состояние) задача установления возрастных характеристик автора анонимного документа до сих пор относится к числу наиболее сложных в судебно-автороведческой диагностике[1] . Еще более усугубляет проблему тот факт, что вышеназванные современные условия продуцирования текстов абсолютно исключают привлечение (в качестве вспомогательных) результатов почерковедческой экспертизы, гарантировавшей в свое время высокий уровень объективности в определении данного параметра , а необходимые автороведению теоретические и практические разработки либо полностью отсутствуют, либо фрагментарны и не лишены существенных недостатков. В частности, разрозненны и зачастую противоречивы результаты исследования речевого общения возрастных групп, не применяется дифференцированный подход к анализу ономастической и апеллятивной лексики, незаслуженно игнорируется специфика диагностических возможностей имени собственного, например переименования [3 :12]. Демонстрация паритетной значимости апеллятивной и ономастической номинации для целей криминалистической диагностики — актуальная задача настоящего исследования.

Как известно, в повседневной жизни мы пользуемся различными типами речевого поведения в зависимости от настроения, времени года и дня, от социального положения, от рода занятий и, конечно, возраста [4]. Взаимодействие социальных и индивидуальных факторов порождает не только типичные психологические особенности, общие для людей одного возраста, определяя его специфику, но и приводит к выработке определенных речевых шаблонов. Вспомним, например,

дифференцированные в соответствии с возрастным цензом формулы речевого этикета "**Мое**

почтение!" или **"Разрешите откланяться"**, свойственные пожилым людям. С другой стороны, развивающийся и изменяющийся в онтогенезе человек, каждое новое поколение более или менее устойчиво сохраняет "модные" слова, усвоенные в период, совпадающий со временем его наиболее активной социализации, — молодостью. Таким образом, в идиолекте личности зрелого, пожилого и старческого возраста можно выделить два пласта специфических единиц (слов, оборотов, конструкций), а у представителей обоих периодов юношеского возраста — только один, к тому же организованный не по хронологическому принципу, а сконцентрированный в одной временной плоскости (современный молодежный и профессиональный жаргон, современная специальная лексика и т.д.), что само по себе уже является диагностически информативным. Своеобразие "возрастного" аспекта автороведческого исследования мы склонны усматривать в том, что диагностической информативностью могут обладать как константные, так и переменные, т.е. варьирующие с течением времени, составляющие письменной речи анонима.

Константные лингвистические показатели возраста — это, как представляется, определенный вербальный стереотип, функционирующий в настоящее время либо имевший место в диалогах прошлого, зависимый от конкретной возрастной характеристики группы. На лексико-фразеологическом уровне к нему можно отнести молодежный жаргон: **аскать, отрываться, облом** (современный сленг)- **стиляга, корочки, шкары, отстреляться** (50 — 60 годы). Кроме этой группы, как свидетельствуют результаты эксперимента, проведенного на основе методики определения возрастных характеристик по синонимическим доминантам, в лексиконе представителей разных поколений наличествуют свои "модные" синонимы, и именно они выбирались нашими информантами из ряда: 60-летние безоговорочно указали на слово **"конечно"**, 40-летние остановились на **"естественно"**, 18-летние же предпочли жаргонное **"в натуре"**. О возрасте можно судить и по синонимическим предпочтениям, отражающим социальную позицию адресанта, по его отношению к называемому объекту, по характеру оценки. Так, негативная коннотация слов **"спекулянт"** и **"фарцовщик"** явилась в старшей группе причиной предпочтения их современным

конкурентам "**деловой**" и "**бизнесмен**", все более склоняющимся к мелиоративам; безусловно и тяготение к семантическим историзмам, каковыми являются "**кеды**" и "**папиросы**" по отношению к "**крэсовкам**" и "**сигаретам**". Однако не следует полагаться на абсолютный консерватизм представителей старшего поколения. Думается, что консерватизм этот в значительной степени относителен. Упрощенное же, поверхностное толкование данного положения может свести исследование к поиску историзмов времен революции и гражданской войны и неминуемо повлечет за собой экспертную ошибку [7: 84]. По нашим данным, не только люди старческого возраста (75-90 лет), но и долгожители (90 лет и старше) предпочитают, конечно, не эпатажно-молодежный вариант, но и отнюдь не крайнюю точку на шкале возрастных лексем: танцплощадка — **дискотека** — клуб (танцпол); валюта — **доллары** — зеленые, зелень, баксы, гринь. Диагностика возрастных показателей анонима может осуществляться не только в процессе собственно лексического анализа, но и на уровне анализа семной структуры слова. Возрастные лакуны регулярно обнаруживаются при семном варьировании. В речевом употреблении стариков, например, может отмечаться наведение геронто-семь (**доллар** — 'очень дорогая денежная единица': "За нее долларами платили!") или отразиться актуальная в предшествующий временной период речевая структура слова (**морячка** — жена моряка' + 'спекулянтка', 'торговка'. В качестве константных показателей современной молодежной среды, вероятно, может рассматриваться точное и уместное использование профессионального жаргона пользователя компьютера, особенно в том случае, когда его употребление зафиксировано не в профессионально ориентированных текстах. Своеобразные метафоры общеупотребительных слов (**бомба** — 'неверная программа', **жокей** — 'программист, в работе которого отсутствует творческий подход), предпочтение родовых номинаций (**машина, сеть**), грамматико-семантический (на коннотативном уровне) тип адаптации англицизмов (**юзера, ламера**), дериваты (**пингануть, законектиться, юзать**) с элементами языковой игры (**покликать** (от англ. click), **Аська**), символическое письмо: **:(o), 8=)** свидетельствуют о сложившемся языковом динамическом стереотипе в основном молодых людей.

К переменным носителям классификационной информации в письменном тексте можно отнести, в числе других, фразеологизмы и единицы речевого этикета. Социально-символическая функция формул прощания, приветствия, пожелания, аппеллятивные и онимические виды обращения с последующим учетом вероятной аккомодации к адресату и реконструкцией конситуации гарантируют автороведу успешное завершение синтезирующей стадии экспертно-диагностического исследования текста в плане установления возрастных параметров личности автора. Однако формальный анализ данного массива лексики может стать причиной ошибочного заключения эксперта, так как в силу своей "прозрачности" именно речевой этикет наиболее приспособлен для маскировки и, следовательно, его однозначная интерпретация приемлема лишь до тех пор, пока не выдвинута гипотеза о составлении текста с намеренным искажением признаков письменной речи.

В определении примерного возраста значительную помощь специалисту может оказать и активный фразеологический запас личности, характеризующийся, как правило, темпоральной вариативностью. Юношеские группы фразеологизмов с семантикой "романтичности", "беспечности" (**влюбиться по уши, крутиться перед зеркалом**) сменяются озабоченностью (**засучив рукава, выжатый лимон**) и заносчивостью зрелого возраста (**молоко на губах не обсохло**) и, наконец, назидательностью и обреченностью пожилого (**тише едешь — дальше будешь, без труда не вытащишь рыбку из пруда, лебединая песня, время собирать камни**). Возрастная дифференциация фразеологизмов была доказана статистически в ходе эксперимента, убедительной иллюстрацией результатов которого могут послужить приведенные ниже показатели: частотность употребления фразеологизма **слушать краем уха** женщинами и мужчинами 45-60-летнего возраста составила соответственно 41% и 33%, а 15-18-летними девушками и юношами — всего 8%. Более того, на материале фразеологизмов отчетливо прослеживается наличие корреляционной зависимости двух основных в классификационной диагностике социальных признаков — возраста и пола. Обратимся за доказательством к уже охарактеризованному с возрастной точки зрения фразеологизму **крутиться**

перед зеркалом. С позиций тендерного и возрастного диморфизма картина его частотности и оценочности такова: девочки (31%, знак оценки +) — женщины и мужчины (соответственно 12% и 22%, знак оценки -) — мальчики (4%, нулевая оценочность). Как видим, по знаку оценочной коннотации фразеологической единицы можно определить сразу два социальных параметра, то есть не только возраст (девочки +, женщины —), но и пол (девочки +, мальчики — 0). Взаимозависимость признаков может быть использована и по-иному, если органами, направившими материалы на экспертизу, ставится задача определения только одного из двух упомянутых социальных параметров — возраста, например в тех случаях, когда круг предполагаемых авторов ограничен представителями одного из полов. Полезными для решения этого вопроса, как представляется, могут оказаться результаты наблюдений над дифференциацией фразеологизмов по возрастному принципу в гомогенных половых группах. Необходимость в результатах подобных исследований ощущается в практической деятельности экспертов-криминалистов, решающих классификационные задачи в условиях дефицита информации.

В сфере ономастической лексики для диагностики возрастного контраста приемлемы такие переменные символические единицы, как антропонимические формулы "детерминант + имя (в любой форме)", где в качестве титульного слова функционируют релятивные номинации (**дядя, тетя, бабушка** и т.п.), антономасии по-этонимов (**Митрофанушка**), лепетные имена. Еще один переменный показатель- ономастическая мода. Являясь, наряду с модой на одежду и макияж, социальным порождением, она подчиняется тем же законам и развивается по их предписаниям. Тяготение представителей старшего поколения к ретроономастикону сродни консерватизму в вопросах этики и пристрастия к песням своей молодости. Поэтому реноминированные годонимы частотнее именно в их речи, а не представителей среднего возраста. Поистине, как философски подметил Юм, "руководителем в жизни является не разум, а привычка"[6:330], которая в нашем случае проявляется в устойчивости номинативного навыка, не утраченного стариками в процессе многочисленных переименований. Так, старожилы-одесситы теперь уже на законном основании продолжают назы

вать улицу Преображенской. Новизна функционирования этого имени заключается лишь в том, что для осуществления идентификации от них уже не требуется синоним, выполнявший в недавнем прошлом функцию уточнения: Она живет на Преображенской // Ну, Советской Армии // (РР).

Возрастной символизм имени собственного доказывался нами на материале имитации признаков письменной речи. Как свидетельствуют результаты эксперимента, в 70% случаев из списка предлагаемых слов-символов имитации возраста (старшего) избирались не устаревшие апеллятивы, а онимы — архаизмы и историзмы — как наиболее весомые, на взгляд информанта, в диагностическом плане и максимально гарантирующие реализацию поставленной цели. Научное обоснование подобного предпочтения респондентами ономастического способа имитации содержится в работах известного авторитета в области психологии лжи Пола Экмана [8: 66]. Таким образом, имена собственные потенциально могут служить индикатором возраста. Однако, с другой стороны, результаты этого эксперимента стали основой для парадоксального вывода о непригодности онимов в целях возрастной диагностики, и именно по причине их предсказуемости (ср. единицы речевого этикета). Ведь привлекательность ономастического символизма для имитатора как раз и заключается в том, что употребление им хронологического варианта создает полную иллюзию завершенной референции (при отсутствии таковой) [5] ; и как следствие — искомая идентификация в качестве представителя запрограммированной возрастной группы. Как видим , ономастическая компетенция автора анонимного текста требует тщательного и глубокого исследования, особенно в тех случаях, когда есть основание подозревать искажение признаков устной или письменной речи.

В целом же проблема выявления нашедших отражение в тексте свойств языковой личности продолжает оставаться открытой. Плодотворным, на наш взгляд, может оказаться ее решение объединенными усилиями специалистов в области ономастики, социолингвистики, психолингвистики и судебного автороведения.

1. Бирюков К.В., Коваленко В.В. Криминалистическое исследование документов. — Луганск, 1999.
2. Вопросы судебно-автороведческой диагностической экспертизы. — К., 1984.
3. Карпенко Ю.А. Современное развитие русской ономастической системы //Актуальные вопросы русской ономастики. — К., 1988.
4. Крысин Л.М. Социальная маркированность языковых единиц //Вопросы языкознания. — 2000. — №4.
5. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты// Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1986. — Вып.ХУП.
6. Таранов П.С. 120 философов.Жизнь.Судьба.Учение. — Симферополь, 1996.
7. Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи. — М., 1977.
8. Экман Пол. Психология лжи. — Санкт-Петербург, 1999.